

Симашенков Павел Дмитриевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры ГМУ и правового обеспечения государственной службы ЧОУ ВО «Международный институт рынка», г. Самара

pavel.simashenkov@yandex.ru

Сакральность российской государственной власти: историко-политический аспект

Аннотация. В статье исследуются феномены прозрачности и сакральности власти. На основе сравнительно-исторического анализа автор делает вывод о негативном воздействии культивирования прозрачности власти на уровне российской государственности. Доказано, что идея «прозрачности» в России чаще всего и воспринимается, и используется как средство дискредитации государственных институтов. Разрешение дилеммы «прозрачность или сакральность» автор видит в традиционном русском понимании власти как исторической ответственности, а государственной службы – как служения Отечеству.

Ключевые слова: прозрачность власти, сакральность, гласность, стабильность, чиновничество, политическая история.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

Присущий нашему национальному характеру максимализм заставляет нас во всех жизненных вопросах ставить дилемму «или все, или ничего». Вот почему от чрезмерности возвеличения мы так легко переходим к чрезмерности отчаяния.
Е. Трубецкой

Жестокость современных рукотворно-кризисных реалий способна обострить отношения населения и власти до критического предела. Конфликтный контекст придаёт особую актуальность проблеме достижения щадящего баланса ингредиентов российской внутривластной кухни [3], чьи блюда (приготовленные из просроченных американских концентратов) становятся все менее удобоваримыми. Проблема, на наш взгляд, заключается в ригидности мышления генерации «эффективных менеджеров» [20, 22, 24], заботливо выпестованных в постперестроечное время заокеанскими благодетелями-либералами. Прозападные аналитики видят панацею от всех социальных зол в обеспечении некоей «прозрачности» государственного и муниципального управления. Очевидно, что употребляемый оптический термин чрезвычайно многозначен и потому исключительно удобен для имитации чего угодно: от постановочной демократии до разнузданной борьбы с коррупцией. Подмена народного контроля «гражданским мониторингом прозрачности», честности и открытости «информационной прозрачностью» стала обычной в нынешней России, где степень «прозрачности» пропорциональна уровню «моральной гибкости» представителя власти. Традиционно считается, что чиновники заинтересованы в сокрытии сведений о своей деятельности, воспринимая такую информацию как изобличающую. Следовательно, культивирование прозрачности в России основано на презумпции тотальной аморальности всех чиновников – якобы коррупционеров уже по определению и в силу своего правового статуса. Возникает резонный вопрос: кто же тогда наделен моральным правом судить (осуждать) зарвавшихся «слуг государевых»? Естественно, государь. Но допустим ли «общественный мониторинг» дел государевых?

Исторический выбор вариантов ответа небогат. К примеру, в раннефеодальной Руси княжескую власть отчасти сдерживали церковные иерархи и вече. Заметим, что принципиальной конфронтации церкви и государственной власти (как борьба за инвеституру или «авиньонское пленение пап») русская история почти не знает [12, 19]. Остаётся орган народного контроля – вече. Примечательно: сей исконно русский вариант демократии изживает себя сравнительно скоро (к XIV в.), и «прозрачность» оборачивается интригами и скандальными обвинениями власть предержащих в злоупотреблениях. Результат – утрата суверенитета; вырождение демократии сначала в шумную имитацию, а затем – в ностальгический архаизм, о коем приличествует вспоминать лишь в контексте быстро вышедшей из моды мертворождённой «суверенной демократии». Второй вариант «суда над государем» – практика дворцовых переворотов, где «прозрачность» убеждает заговорщиков в неспособности главы государства обеспечивать их интересы. Итог – череда интриг, опал, казней и отставок, угроза гражданской войны. Третий вариант – социальная революция, когда «прозрачность» выполняет органически присущую ей функцию – абсолютной дискредитации власти, оправдывая уничтожение правящего режима. Как свидетельствуют приведённые примеры, ни в одном случае пресловутая «прозрачность» не играет конструктивной (созидающей согласие, соборность) роли. Более того – в российской истории обеспечение прозрачности никогда не было сверхзадачей, но всегда – инструментом, козырем в жестокой борьбе за власть. Это и карт-бланш на опричный террор, и расследование убийства царевича Дмитрия, и антираспутинская речь Пуришкевича, и «разоблачение культа личности» Сталина, и, конечно же, то, что А. Зиновьев метко назвал «катастройкой» [4]. Итогом последней стала не только смена власти, но и наступление новой эпохи, в которой все прежние ценности оказались перевёрнутыми с ног на голову [1, 11, 14]. Урок гласности трагичен: после путча 1991 г. вновь массово прозревший народ благословил свержение и самого гаранта перестройки, заменив его очередным воплощением бескомпромиссности – Ельциным. Гласность нового образца знаменует повторение истории в виде фарса – обязанности чиновников общаться с населением посредством социальных сетей (мотивировка – почти как в указе Ближней канцелярии от 7 октября 1707 г.: «ибо сим всякого дурость явлена будет» [2]). Вместе с тем некорректные, откровенно популистские и все чаще экстремистские высказывания полуграмотных представителей власти вовсе не являются обязательным поводом для отлучения их от сытной должности. Когнитивный диссонанс между рангом чиновника и примитивностью его мышления разрешается исторически проверенными средствами. Почти единственный способ добиться справедливости – напрямую апеллировать к ее верховному Гаранту. Яркие подтверждения тому – популярность т. н. «видеообращений к Президенту», и это – на фоне «электронного Правительства», «Большого Правительства», «Открытого Правительства», общественных палат, легиона омбудсменов и прочих модных эрзац-контрольных структур. Парадокс, но в эпоху общедоступного Интернета россияне пользуются им для подачи челобитных в форме видеороликов. Подобная тенденция – лучшее доказательство архаичности понимания идеалов «государственной правды» в нашей стране. Как писал св. Варсонофий Великий, «не хочу быть под законом, но под благодатью». Сакральность персонифицированной власти [7, 13], помноженная на паттерны харизматического правления, предъявляет к первому лицу в России особые требования. Бремя власти – не столько привилегия и право творить произвол, сколько святая обязанность и колоссальная ответственность перед судом истории [15–18]. Так сложилось, что коллективные решения (а особенно – коллегиальные органы власти) отторгаются народной памятью: например, не

«при III Государственной Думе», но «при Столыпине» [8]. Симптоматично: коллегиальные органы в русской истории чаще всего отождествляются с разбродом или предательством (семибоярщина, верховники при Екатерине I, коллективное правление после смерти И. В. Сталина). Таким образом, персонифицированная ответственность правителя за все, что происходит в период его правления, во многом поглощает иные формы ответственности. В частности, то, что на Западе принято называть «социально ответственным гражданским обществом».

На наш взгляд, ключевая особенность России в этом плане – изменённый вектор делегирования полномочий. В западной традиции он направлен сверху вниз и призван демократизировать управление. В России делегирование идёт снизу вверх и призвано поддержать вертикаль власти. Не зря К. П. Победоносцев, критикуя рецепцию зарубежного опыта парламентаризма [5], приходит к выводу, что в парламенте не депутат отказывается от своих личных интересов во имя избирателей, но избиратели отказываются от своих прав во имя самолюбия депутата; с расширением выборности происходит понижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей [9]. Мысли великого государственного деятеля времён упадка царизма сохраняют актуальность и поныне. В самом деле, «прозрачность» сейчас – прекрасный повод для политпиара и грязной конкурентной междоусобицы – той самой борьбы самолюбий. Зачастую депутаты одной и той же фракции топят друг друга в помоях компромата, даже не озабочившись достоверностью обнародуемых сведений – «прозрачность власти» всё искупает. Получается, «прозрачнее» тот, кто первым обесчестил коллегу. К счастью, поводов множество: от бытовой коррупции до неприлично роскошного образа жизни. Удивительно, но подобные сенсации предпочитают немедленно публиковать в СМИ, вместо того чтобы соблюсти процедуры соответствующих проверок и расследований. «Прозрачность» опошлится до рыночного преимущества беззастенчивой накрутки политических рейтингов. В связи с этим важно подчеркнуть: «непрозрачность» (как в своё время гласность) также направлена на подрыв государственного суверенитета, который зиждется, по нашему мнению, на традиционном русском отождествлении авторитета власти с персоной её верховного носителя. В этом и наше национальное осознание роли личности в истории вопреки всем псевдоразоблачениям («был культ, но была и Личность»), и своеобразное понимание справедливости: скорее как морального права, чем права формально-позитивного. Как говорил апостол Павел, «закон же пришёл после, и таким образом умножилось преступление» (Рим. 5:20). Отсюда и надежды на скорый и правый суд (и необязательно в строгом соответствии с писаными нормами), отсюда же ожидание именно и непременно официальной оценки важных для россиян событий.

Интуитивное понимание социальной справедливости [6] (права) предполагает и то, что вершить правосудие способен и должен тот, кого признают эталоном нравственности – в данном ракурсе он даже выше права, ибо морально управомочен судить о нем, и значит – судить любого. В частности, нельзя не согласиться с высказыванием В. В. Путина о том, что «люди, которые борются с коррупцией, сами должны быть кристально чистыми, иначе всё это приобретает форму самопиара и политической рекламы» [10]. Значит, авторитет власти прежде всего вопрос не прозрачности, а доверия. Но доверие, как правило, иррационально; доказательства только опошляют его («доверяй, но проверяй»). Вот почему такая процедура, как увольнение или отстранение от должности в связи с утратой доверия, не требует доказательств и не может быть оспорена в суде. С формально-правовой точки зрения это нарушение конституционных прав личности, но в русле отечественной истории такая коллизия не кажется нонсенсом. Наоборот, она вполне закономерно подчёркивает важность веры во власть, мыс-

лимой как фундамент государственности (тютчевское «в Россию можно только верить»). Учитывая вышеизложенное, вполне разумно предположить, что сакральность власти – основной залог иррационального отношения к ней и к официально декларируемой системе ценностей. Следовательно, если власть иерархически отделена от народа, в то время как её представители навязчиво и прилюдно изображают «человеческое, слишком человеческое», – такая власть недееспособна и обречена на свержение. Получается, публичность и прозрачность органически несовместимы в рамках русской парадигмы государственного управления. И если выбирать из трёх «П» (публичность, прозрачность, преемственность), лишним окажется именно чуждый нам фальсификат прозрачности, поскольку она разрушает публичность (профанируя властные функции) и угрожает преемственности (дискредитируя функционеров).

Приведённые доводы позволяют выйти на ряд суждений обобщающего характера. Во-первых, в России до сих пор живы и крепки традиции пассионарности и мессианства власти. «По умолчанию» олицетворением принципа справедливости была и остаётся фигура национального лидера (а вовсе не формальный закон, которому деяния лидеров зачастую противоречили). Дух справедливости в России превалирует над буквой закона [21, 28, 33]. Отсюда и интуитивный характер правосудия (психологическая теория права, примат целесообразности над законностью), и правовой нигилизм, правовая неграмотность как идеальная почва для произвола. Значит, судьбоносный выбор между правдой и произволом напрямую зависит от политической воли конкретного лица – правителя России.

Во-вторых, практика насаждения «прозрачности» власти в системе координат харизматического господства фатальна, ибо не имеет ни достойного юридического, ни (главное) морального обеспечения. Прозрачность власти обнажает некомпетентность её носителей (скандально-популярные чинуши в соцсетях), создавая иллюзию не гражданского участия, но пустоты, вакуума властного пространства, где буквально каждый может претендовать на роль спасителя, пророка и совести нации. И этот вакуум может быть заполнен чем угодно – вот почему т. н. «болотная оппозиция» не утруждает себя концептуальными построениями модели будущего: достаточно прокричать лозунги «Россия без...». Дешёвая политическая антириторика есть прямое следствие культивирования прозрачности, воспринимаемой как доступный популизм, эксплуатирующий самые животные инстинкты агрессивного электората – страх и ненависть. Прозрачность обостряет восприятие отчуждения власти от народа, где возвышение над ним уже не публичность, а катастрофическое расслоение в образе жизни и образе мыслей. Когда нравственные ориентиры насаждаются безнравственной властью, народ предпочитает жить по антиканонам (как правило, цепляясь за архаику как образ стабильности, завета предков [31, 35]). Типичный пример – насильственная европеизация времён Петра Великого (но он, к счастью, не увлекался теориями правового государства). Прозрачность особенно губительна в ситуации максимального отчуждения, поскольку ещё шире открывает глаза обездоленного народа на властный произвол, плодя тем самым прослойку «сердитого нищенства» – расходного материала любых бунтов и беспорядков. Прозрачность, заявленная в качестве цели и средства повышения эффективности управления, формирует презумпцию криминальности чиновничества как класса [32, 34]. Разумеется, постоянное самооправдание власти перед толпой и оппозиционными критиканами истощает созидательные силы государства. В этом опасность пресловутой политики гласности. Власть, обрекающая себя на вечное проклятие самооправдания, демонстративно нелегитимна.

В-третьих, перманентная уязвимость «прозрачной» власти создаёт благоприятную почву для конфликтов самого разного рода, покушаясь тем самым на социальную

стабильность. Критика расщепляет единство идеала «государственной правды», и компоненты его, вырванные из контекста, выглядят нелепо и беспомощно. Манипулируя словесами, легко подменить административную юрисдикцию коррупционным произволом, а денежное содержание госслужащих – роскошью чиновничества. Так, в эпоху Реформации лживость Церкви доказывалась фактом торговли индульгенциями и открытого разврата клерикальной элиты. Одиозные факты, растиражированные заказными «прозрачными» СМИ – отличный повод усомниться в дееспособности государственного механизма в целом. Вот отчего критиковать «отдельные проявления» чрезвычайно просто. Сила СМИ как «четвёртой власти» в их безответственности, якобы обеспеченной т. н. «свободой слова» в самом вульгарном ее понимании (вспомним лозунги о свободе слова, провозглашаемые термидорианцами против робеспьеристов, а позже – бабувистами против термидорианцев). Результатом борьбы с «отдельными проявлениями» является в конечном счете откат к безопасной точке – регресс, реакция. Следовательно, навязанная России прозрачность еще и вредит социальному прогрессу [26, 27, 36].

Выход из сложившегося кризиса доверия к власти, на наш взгляд, следует искать в специфическом методе решения проблем, многократно проверенном русской историей, – в обеспечении прогрессивных целей регрессивными средствами. Конкретнее – в культивировании сакральности власти и отказе от прозападных стандартов «прозрачности». Сказанное вовсе не означает утверждения монархии или клерикализации государства. Сакральность следует пропагандировать как миссию, служение Отечеству [38–40]. Не наёмный труд, не выслуживание, а именно Служение в самом иррациональном, немеркантильном и подвижническом смысле. И здесь также необходимо воздержаться от вульгаризации и экстремистских призывов к тотальному отказу госслужащих от всех материальных благ [23, 25, 30]. В то же время «прозрачная» демонстрация фотографий заграничного отдыха министров в период всеобщего обнищания – верх цинизма. Как известно, завоёванный авторитет утрачивается молниеносно, а зарабатывается лишь долголетним трудом. Значит, усиление властного авторитета – не в «ритуальных посадках» медийно известных коррупционеров, а в ежедневной практике морально-нравственного облагораживания представителей власти. Это не только привлечение к ответственности, но в первую очередь привлечение на службу честных принципиальных людей – носителей культуры и идейных принципов русской государственности. Необходимо возродить идеологическое обеспечение государственной и муниципальной службы, причем относиться к такой работе без мертвящего формализма (активистов всегда хватало – они способны ополшить любые идеалы). В результате необходимость в «прозрачном» самооправдании власти отпадёт сама собой, если на службу Отечеству придут порядочные и принципиальные люди. Как компетентные сотрудники, они оперативно выявят любые отклонения от идеологического курса ещё в зародыше – в рамках внутриведомственного контроля. Таким образом, население не будет знать о злоупотреблениях, потому что будет уверено в неотвратимости ответственности за любые факты злоупотреблений, о чем позаботятся те же уполномоченные государственные органы, а вовсе не падкие до сенсаций СМИ и политкритиканы [29, 37]. Отказ от прозрачности в перспективе резко сократит нагрузку на правотворческие структуры, ибо правовая упорядоченность ничего не стоит, если не обеспечена порядочностью правоприменителей. Заметим, всё предложенное нами в большей степени зависит от непосредственной политической воли, нежели от выкрикивания очередных законопроектов или реализации модных стратегий. Государство, если оно не хочет стать ветхой надстройкой над перманентно беспокойным базисом, обязано вер-

нуть к себе доверие лишь последовательно принципиальной политикой – главным образом кадровой. Не стоит гнушаться практикой кадровых чисток (если те проводятся в интересах народа, а не смены фаворитских кланов). Реальность России XXI в. подтверждает гениальный тезис: «Чисто там, где метут». Спасение власти, главным образом, дело рук самих представителей власти.

Ссылки на источники

1. Верещагин С. Г. Геополитический баланс сил в XXI в.: переход от однополярного мира к переселению народов в Европу // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 19. – С. 122–125.
2. Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра Великого. – М., 1945. – 265 с.
3. Гусева И. Социально-гуманитарные науки: уроки кризиса // Власть. – 2006. – № 4. – С. 59–63.
4. Зиновьев А. А. Катастрофа. Повесть о перестройке в Партграде. – М., 2010. – 480 с.
5. Карнишин В. Ю. Модернизация и российское общество в начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 3–8.
6. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. – СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2006. – 112 с.
7. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. – М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1876. – 132 с.
8. Наумов С. Ю., Демидова Е. И. История как один из социокультурных факторов модернизации общества // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2014. – № 1 (50). – С. 114–116.
9. Победоносцев К. П. Московский сборник. – СПб., 1901. – 366 с.
10. Путин о Навальном: борец с коррупцией должен быть чистым. – URL: <http://izvestia.ru/news/549430>.
11. Симашенков П. Д. Биполярный мир в геополитическом и историческом ракурсах // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 4–1 (44). – С. 37–40.
12. Симашенков П. Д. Государственное регулирование вопросов вероисповедания в историческом ракурсе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 2. – С. 146–150.
13. Симашенков П. Д. Государственное регулирование системы патриотического воспитания офицеров русской армии (кон. XIX–XX вв.). – М.; Берлин, 2015. – 153 с.
14. Симашенков П. Д. Двуполярный мир: борьба добра и зла или согласие на меньшее из зол? // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. материалов II Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / Самарская гуманитарная академия, кафедра теории и истории государства и права; Самарский государственный университет, исторический факультет; отв. ред. А. Н. Сквозников. – Самара, 2015. – С. 131–136.
15. Симашенков П. Д. Деятельность властных структур и органов военного управления по патриотическому воспитанию офицерства российской армии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 2003.
16. Симашенков П. Д. Деятельность властных структур и органов военного управления по патриотическому воспитанию офицерства российской армии (1890 – август 1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2003.
17. Симашенков П. Д. Деятельность органов власти по укреплению морального духа офицеров русской армии в межвоенное десятилетие (1905–1914 гг.). – М.; Берлин, 2015. – 181 с.
18. Симашенков П. Д. Деятельность органов власти в сфере патриотического воспитания корпуса офицеров армии императорской России (1900 – август 1914 гг.). В помощь изучающим отечественную историю / науч. ред. Г. М. Ипполитов. – СПб.: Нестор, 2003. – 65 с.
19. Симашенков П. Д. Защита чувств верующих в России: историко-правовой аспект // Актуальные тренды регионального и местного развития: сб. ст. по материалам I (IX) Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Г. А. Хмелевой. – Самара, 2014. – С. 150–156.
20. Симашенков П. Д. Идеологические границы «русского мира» в кривом зеркале геополитики (к 85-летию М. Горбачева) // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. материалов III Всерос. науч. конф. / Самарская гуманитарная академия; Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева; Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Самара, 2016. – С. 201–210.
21. Симашенков П. Инволюция критериев административной морали // Государственная служба. – 2015. – № 2. – С. 67–70.
22. Симашенков П. Д. Инновационный курс в русле традиций государственного управления в России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 5. – С. 171–175.

23. Симашенков П. Д. Институт конфликта интересов с позиций юридической техники // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 3. – URL: <http://human.snauka.ru/2016/03/14305>.
24. Симашенков П. Д. Кадровая инноватика и исторический кризис менеджизма // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2016. – № 22 (22). – С. 6.
25. Симашенков П. Д. Конфликт интересов: история, теория и практика правоприменения // Развитие института резерва управленческих кадров в субъектах Российской Федерации как вызов времени и эффективный инструмент совершенствования государственной кадровой политики: сб. ст. Межрегион. науч.-практ. конф. (9 октября 2014 г., г. Самара). – Самара, 2014. – С. 290–298.
26. Симашенков П. Д. Марксистская концепция отмирания государства и будущее российского чиновничества // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 3 (43). – С. 29–32.
27. Симашенков П. Д. Меритократия в кадровой политике России: исторические уроки // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 11. – С. 46–50.
28. Симашенков П. Д. Необходимая оборона как конфликт интересов: исторический опыт и новые подходы к квалификации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 6. – С. 146–150.
29. Симашенков П. Д. О «жестокости» антикоррупционных санкций в России: историко-правовой экскурс // Социальные системы и право: сб. науч. тр. / отв. ред. К. Б. Герасимов. – Самара, 2015. – С. 92–99.
30. Симашенков П. Д. О конфликте интересов – в компаративном ключе: история вопроса и практические моменты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3–2. – С. 142–145.
31. Симашенков П. Д. О преемственности в политической истории России // Культура и образование: от теории к практике. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 27–31.
32. Симашенков П. Д. Политриторика в публичном праве России: терминологический аспект // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 1. – С. 101–105.
33. Симашенков П. Д. Правовой институт необходимой обороны: историко-правовые тенденции и пути совершенствования // Вестник Международного института рынка. – 2015. – № 1 (1). – С. 196–204.
34. Симашенков П. Д. Репрессивный компонент отечественной антикоррупционной политики в историческом ракурсе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 10. – С. 141–145.
35. Симашенков П. Д. Россия императорская: деятельность главного управления военно-учебных заведений в сфере патриотического воспитания учащихся юнкерских училищ в 1874–1910 гг. – Самара: Научно-технический центр (НТЦ), 2002. – С. 81–91.
36. Симашенков П. Д. Русский мир как геополитическая идеологема // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 4. – URL: <http://human.snauka.ru/2016/04/14542>.
37. Симашенков П. Д. Уголовная ответственность за половые преступления: историко-правовой и виктимологический аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5 (67). – С. 194–197.
38. Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофильства. – Харбин, 1925. – 61 с.
39. Savazza A. A. S. Chomjakov. Opinione di un russo sugli stranieri. – Bologna, 1997. – 231 p.
40. Simashenkov P. D. The continuity of negation as a vector of Russian political history // Europäische Fachhochschule. – 2014. – № 7. – P. 31–33.

Pavel Simashenkov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the chair of State Municipal Government and Legal Support of Civil Service, International Market Institute, Samara

pavel.simashenkov@yandex.ru

The sacredness of the Russian state power: historical-political aspect

Abstract. The paper explores the phenomenon of transparency and sacredness of the political power. On the basis of comparative historical analysis the author concludes about the negative impact of transparency in Russian state. It is shown that the idea of "transparency" in Russia, most often considered and used as a mean of discrediting state institutions. The author sees the resolution of the "transparency or sacredness" dilemma in the traditional Russian understanding of a public service as a ministering to the Motherland.

Key words: transparency of power, sacredness, glasnost, stability, officialdom, political history.

References

1. Vereshagin, S. G. (2015). "Geopoliticheskij balans sil v XXI v.: perehod ot odnopoljarnogo mira k pereseleniju narodov v Evropu", *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya*, № 19, pp. 122–125 (in Russian).
2. Voskresenskij, N. A. (1945). *Zakonodatel'nye akty Petra Velikogo*, Moscow, 265 p. (in Russian).
3. Guseva, I. (2006). "Social'no-gumanitarnye nauki: uroki krizisa", *Vlast'*, № 4, pp. 59–63 (in Russian).
4. Zinov'ev, A. A. (2010). *Katastrojka. Povest' o perestrojke v Partgrade*, Moscow, 480 p. (in Russian).

5. Karnishin, V. Ju. (2012). "Modernizacija i rossijskoe obshhestvo v nachale XX v.", *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*, № 3, pp. 3–8 (in Russian).
6. Kireevskij, I. V. (2006). *O haraktere prosveshhenija Evropy i o ego otnoshenii k prosveshheniju Rossii*, Obshhestvo pamjati igumenii Taisii, St. Petersburg, 112 p. (in Russian).
7. Leont'ev, K. N. (1876). *Vizantizm i slavjanstvo*, Imp. O-vo istorii i drevnostej ros. pri Mosk. un-te, Moscow, 132 p. (in Russian).
8. Naumov, S. Ju. & Demidova, E. I. (2014). "Istorija kak odin iz sociokul'turnyh faktorov modernizacii obshhestva", *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo universiteta*, № 1 (50), pp. 114–116 (in Russian).
9. Pobedonoscev, K. P. (1901). *Moskovskij sbornik*, St. Petersburg, 366 p. (in Russian).
10. *Putin o Naval'nom: borec s korrupciej dolzhen byt' chistym*. Available at: <http://izvestia.ru/news/549430> (in Russian).
11. Simashenkov, P. D. (2015). "Bipoljarnyj mir v geopoliticheskom i istoricheskom rakursah", *Gumanitarnye nauchnye issledovanija*, № 4–1 (44), pp. 37–40 (in Russian).
12. Simashenkov, P. D. (2015). "Gosudarstvennoe regulirovanie voprosov veroispovedanija v istoricheskom rakurse", *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal "Koncept"*, № 2, pp. 146–150.
13. Simashenkov, P. D. (2015). *Gosudarstvennoe regulirovanie sistemy patrioticheskogo vospitanija oficerov russkoj armii (kon. XIX–XX vv.)*, Berlin, Moscow, 153 p. (in Russian).
14. Simashenkov, P. D. (2015). "Dvupoljarnyj mir: bor'ba dobra i zla ili soglasie na men'shee iz zol?", in Skvoznikov, A. N. (ed.). *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istorija i sovremennost': sb. materialov II Vseros. nauch. konf., posvjashh. 70-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne (1941–1945 gg.) / Samarskaja humanitarnaja akademija, kafedra teorii i istorii gosudarstva i prava; Samarskij gosudarstvennyj universitet, istoricheskij fakul'tet, Samara*, pp. 131–136 (in Russian).
15. Simashenkov, P. D. (2003). *Dejatel'nost' vlastnyh struktur i organov voennogo upravlenija po patrioticheskomu vospitaniju oficerstva rossijskoj armii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / Samarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, Samara* (in Russian).
16. Simashenkov, P. D. (2003). *Dejatel'nost' vlastnyh struktur i organov voennogo upravlenija po patrioticheskomu vospitaniju oficerstva rossijskoj armii (1890 – avgust 1914 gg.): dis. ... kand. ist. nauk, Samara* (in Russian).
17. Simashenkov, P. D. (2015). *Dejatel'nost' organov vlasti po ukrepleniju moral'nogo duha oficerov rus-skoj armii v mezhoennoe desjatiletie (1905–1914 gg.)*, Berlin, Moscow, 181 p. (in Russian).
18. Simashenkov, P. D. (2003). *Dejatel'nost' organov vlasti v sfere patrioticheskogo vospitanija korpusa oficerov armii imperatorskoj Rossii (1900 – avgust 1914 gg.)*. V pomoshh' izuchajushhim otechest-vennuju istoriju / nauch. red. G. M. Ippolitov, Nestor, St. Petersburg, 65 s. (in Russian).
19. Simashenkov, P. D. (2014). "Zashhita chuvstv verujushhijh v Rossii: istoriko-pravovoj aspekt", in Hmeleva, G. A. (ed.). *Aktual'nye trendy regional'nogo i mestnogo razvitija: sb. st. po materialam I (IX) Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Samara, pp. 150–156 (in Russian).
20. Simashenkov, P. D. (2016). "Ideologicheskie granicy 'russkogo mira' v krivom zerkale geopolitiki (k 85-letiju M. Gorbacheva)", *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istorija i sovremennost': sb. materialov III Vseros. nauch. konf. / Samarskaja humanitarnaja akademija; Samarskij nacional'nyj issledovatel'skij universitet im. akademika S. P. Koroleva; Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet im. N. G. Chernyshevskogo, Samara*, pp. 201–210 (in Russian).
21. Simashenkov P. (2015). "Involjucija kriteriev administrativnoj morali", *Gosudarstvennaja sluzhba*, № 2, pp. 67–70 (in Russian).
22. Simashenkov, P. D. (2015). "Innovacionnyj kurs v rusle tradicij gosudarstvennogo upravlenija v Rossii", *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal "Koncept"*, № 5, pp. 171–175 (in Russian).
23. Simashenkov, P. D. (2016). "Institut konflikta interesov s pozicij juridicheskoi tehnikoi", *Gumanitarnye nauchnye issledovanija*, № 3. Available at: <http://human.snauka.ru/2016/03/14305> (in Russian).
24. Simashenkov, P. D. (2016). "Kadrovaja innovatika i istoricheskij krizis menedzherizma", *Vestnik Vostochno-Sibirskoj Otkrytoj Akademii*, № 22 (22), p. 6 (in Russian).
25. Simashenkov, P. D. (2014). "Konflikt interesov: istorija, teorija i praktika pravoprimenenija", in *Razvitie instituta rezerva upravlencheskih kadrov v sub#ektah Rossijskoj Federacii kak vyzov vremeni i jeffektivnyj instrument sovershenstvovanija gosudarstvennoj kadrovoj politiki: sb. st. Mezhtregion. nauch.-prakt. konf. (9 oktjabrja 2014 g., g. Samara)*, Samara, pp. 290–298 (in Russian).
26. Simashenkov, P. D. (2015). "Marksistskaja koncepcija otmiranija gosudarstva i budushhee rossijskogo chinovnichestva", *Gumanitarnye nauchnye issledovanija*, № 3 (43), pp. 29–32 (in Russian).
27. Simashenkov, P. D. (2015). "Meritokratija v kadrovoj politike Rossii: istoricheskie uroki", *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal "Koncept"*, № 11, pp. 46–50 (in Russian).

28. Simashenkov, P. D. (2015). "Neobhodimaja oborona kak konflikt interesov: istoricheskij opyt i novye podhody k kvalifikacii", *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal "Koncept"*, № 6, pp. 146–150 (in Russian).
29. Simashenkov, P. D. (2015). O "'zhestokosti' antikorrupcionnyh sankcij v Rossii: istoriko-pravovoj jeks-kurs", in Gerasimov, K. B. (ed.). *Social'nye sistemy i pravo: sb. nauch. tr.*, Samara, pp. 92–99 (in Russian).
30. Simashenkov, P. D. (2016). "O konflikte interesov – v komparativnom ključe: istorija voprosa i praktičeskie momenty", *Istoricheskie, filosofskie, političeskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, № 3–2, pp. 142–145 (in Russian).
31. Simashenkov, P. D. (2015). "O preemstvennosti v političeskoj istorii Rossii", *Kul'tura i obrazovanie: ot teorii k praktike*, t. 1, № 1, pp. 27–31 (in Russian).
32. Simashenkov, P. D. (2015). "Politritorika v publicnom prave Rossii: terminologičeskij aspekt", *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal "Koncept"*, № 1, pp. 101–105 (in Russian).
33. Simashenkov, P. D. (2015). "Pravovoj institut neobhodimoj oborony: istoriko-pravovye tendencii i puti sovershenstvovanija", *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka*, № 1 (1), pp. 196–204 (in Russian).
34. Simashenkov, P. D. (2015). "Repressivnyj komponent otečestvennoj antikorrupcionnoj politiki v isto-ričeskom rakurse", *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal "Koncept"*, № 10, pp. 141–145 (in Russian).
35. Simashenkov, P. D. (2002). *Rossija imperatorskaja: dejatel'nost' glavnogo upravljenija voenno-učebnyh zavedenij v sfere patriotičeskogo vospitanija uchashhihsja junkerskih uchilishh v 1874–1910 gg.*, Nauchno-tehnicheskij centr (NTC), Samara, pp. 81–91 (in Russian).
36. Simashenkov, P. D. (2016). "Russkij mir kak geopoliticheskaja ideologema", *Gumanitarnye nauchnye issledovanija*, № 4. Available at: <http://human.snauka.ru/2016/04/14542> (in Russian).
37. Simashenkov, P. D. (2016). "Ugolovnaja otvetstvennost' za polovye prestuplenija: istoriko-pravovoj i viktimologičeskij aspekty", *Istoricheskie, filosofskie, političeskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, № 5 (67), pp. 194–197 (in Russian).
38. Ustrjalov, N. V. (1925). *Političeskaja doktrina slavjanofil'stva*, Harbin, 61 p. (in Russian).
39. Cavazza, A. A. (1997). *S. Chomjakov. Opinions di un russo sugli stranieri*, Bologna, 231 p. (in English).
40. Simashenkov, P. D. (2014). "The continuity of negation as a vector of Russian political history", *Europaische Fachhochschule*, № 7, pp. 31–33 (in English).

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
 главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	30.05.16	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	02.06.16
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	02.06.16	Опубликована <i>Published</i>	19.08.16

www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2016
 © Симашенков П. Д., 2016